

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора юридических наук, профессора Лесникова Геннадия Юрьевича на диссертацию Досаевой Глеры Сулеймановны «Уголовно-правовой институт множественности преступлений», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08. – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Ознакомление с содержанием диссертации и автореферата Г.С. Досаевой показало, что тема, избранная для диссертационного исследования, вполне актуальна и в теоретическом, и в практическом плане.

Автором, обоснованно отмечается необходимость в разработке нового подхода к оценке множественности преступлений в поведении лица, причем подхода, который сочетал бы в себе и всестороннюю оценку множественной преступной деятельности, и разумные ограничения наказуемости множественности, и гуманное отношение к личности, чей конфликт с уголовным законом исчерпан. Такая разработка конструкции множественности преступлений и ее последующая аргументация в контексте системных взаимосвязей с иными уголовно-правовыми институтами действительно может стать в преддверии давно назревшей уголовно-правовой реформы неотъемлемой частью поиска современных путей совершенствования уголовного права и уголовной политики.

В диссертации достаточно подробно определена степень научной разработанности, сформулированы цели и задачи исследования. Оригинальным является предложенное автором определение **объекта диссертационной работы** как уголовно-правового явления множественности преступлений. Интересно сформулирован **предмет исследования**. **Цель диссертации**, обусловившая постановку автором поисковых задач, сформулирована достаточно точно, как аргументация теоретической концепции уголовно-правового института множественности преступлений, основанная на идее дифференцированной оценки общественной опасности множества деяний и лица, их совершающих.

Представлена **нормативная основа диссертации**, включающая помимо отечественных источников и положения уголовного законодательства ряда зарубежных стран (ФРГ, Швейцарии, США, Эстонии, Беларуси, Украины, Узбекистана, Грузии). Сформулирована **теоретическая база исследования**.

Раскрыто содержание **эмпирической, методологической основ диссертации**. Достаточно убедительно показана **практическая и теоретическая значимость исследования**.

Работа отличается необходимой **научной новизной**. Соискателем на основе достижений теории уголовного права, с учетом положительного исторического и зарубежного опыта подготовлена теоретическая концепция институционального оформления правовых предписаний о множественности преступлений в системе российского уголовного права. Она представлена как правовая ситуация совершения нескольких преступлений и назначения нескольких наказаний, требующая определения итоговой меры уголовно-правового воздействия, исходя из необходимости дифференцированной оценки опасности множества деяний и опасности личности виновного. Такая концепция, по мнению автора, и с этим следует согласиться, предполагает, наряду с уточнением критериев множественности, и обоснование необходимости ограничения современного подхода к ее правовой регламентации.

Диссертация состоит из введения, двух разделов, содержащих четыре главы, заключения, библиографии и приложений.

Первый раздел **«Эволюция уголовно-правового института множественности преступлений»** включает в себя две главы. В первой главе **«Генезис уголовно-правовых норм о противодействии множественности преступлений в России X – начала XX века»** состоящей из двух параграфов последовательно рассматриваются вопросы зарождения и нормативного воплощения идеи уголовно-правового противодействия множественности преступлений в отечественном праве X–конца XVIII веков,

анализируется эволюция уголовно-правовых норм и теоретических оценок множественности преступлений в России XIX–начала XX веков.

Начиная анализ с норм обычного, «живого» права восточных славян, исследуя положения Русской правды, диссертант делает аргументированный вывод, что в те далекие времена, множественная преступная деятельность воспринималась как проявление духовной слабости человека и известной предопределенности свыше. Наказание в эту эпоху не преследовало цели исправления осужденных и предупреждения преступлений, по этой причине второе и последующие преступления лица не могли восприниматься в качестве свидетельства его особой порочности, требующего усиления взысканий. Лишь с принятием Двинской уставной грамоты 1397 г. появляется необходимость усиления уголовного наказания в случае совершения лицом нескольких преступлений. С принятием Соборного Уложения 1649 года было четко обозначено наличие двух центральных категорий уголовного права – преступления и наказания. Причем, повлияло на нормативное оформление специальных предписаний о множественности преступлений, по мнению автора, сложившееся к середине XVII столетия понимание преступления как нарушения публичного правопорядка и наказания как устрашающей меры предупреждения преступлений.

В диссертации обоснованно отмечается, что работы по систематизации и кодификации российского уголовного законодательства в первой трети XIX века оказали существенное влияние на научное осмысление феномена множественности преступлений, относящегося, с одной стороны к области учения о преступлении, а с другой – к области учения о назначении наказания, как обстоятельства, влияющего на увеличение вины и требующего особых законоположений для установления границ судейского усмотрения при определении наказания (с. 89 дисс.). В этот период множественность преступлений впервые была противопоставлена единичному преступному деянию и учтенной законодателем идеальной совокупности преступлений. В дальнейшем законодательство

совершенствовалося в направлении более четкого разграничения совокупности и повторения преступлений, оптимизации правил поглощения и сложения итогового наказания при наличии множественности преступлений.

В заключении главы, диссертантом делается аргументированный вывод о том, что находясь в системе координат, заданных классической школой уголовного права, отечественное законодательство и доктрина, тем не менее, никогда не придерживались правила о соблюдении формального равенства между преступлением (их количеством) и наказанием (его объемом), признавали объектом карательной деятельности государства не деяние, а личность преступника и исповедовали взгляд на множественность, как на обстоятельство, отягчающее наказание, которое должно учитываться в совокупности с иными фактическими данными по делу, отражающими опасность совершенных преступлений и особенности личности виновного.

Вторая глава **«Развитие института множественности преступлений в российском уголовном праве XX–XXI века»** посвящена анализу множественности преступлений в уголовном праве России XX столетия (советский период) и развитию института множественности преступлений в системе современного российского уголовного права.

Начиная с октября 1917 года, как и в предшествующую эпоху, положения о множественности преступлений, не были должным образом осмыслены в качестве структурной единицы института преступления. Эта позиция, по мнению автора, «отражает определенный теоретический посыл, идею, согласно которой множественность преступлений не составляет особого социального или криминологического феномена, а служит лишь обстоятельством, которое вносит свои коррективы в техническую деятельность суда по определению суммарного наказания» (с. 105 дисс.). Диссертантом обоснованно отмечается, что нормы о множественности преступлений и о назначении наказания при множественности вплоть до конца 50-х годов не представляли особого интереса для законодателя.

Важным итогом развития уголовно-правового учения о множественности преступлений, по мнению автора, стало ее признание самостоятельным институтом уголовного права, тяготеющим к категории преступления, что одновременно и было связано, и повлекло за собой отказ от учета личностных особенностей преступника при определении форм множественности, вытеснение данных о личности в сферу общих критериев назначения наказания.

Следует согласиться с выводом диссертанта, что в 20–30-е годы XX столетия под влиянием идей социологической школы уголовного права, пропагандирующей примерные санкции, широкое судебское усмотрение и опасность личности в качестве основания применения мер социальной защиты, наблюдается некоторый регресс в области учения о множественности преступлений. Принцип формального равенства преступления и наказания в это время был практически заменен на принцип назначения лично ориентированного наказания (с. 115 дисс.). Примечательной особенностью советского права стало нормативное оформление классификации преступников по степени их опасности за счет фиксации признаков особо опасного рецидивиста. Аргументируя свое видение множественности преступлений как уголовно-правового института, автор, используя собственную эмпирику, приводит данные опроса специалистов в области уголовного права, в ходе которого 96% респондентов признали справедливым суждение о том, что «множественность преступлений – есть самостоятельный институт уголовного права» (с. 129 дисс.).

Второй раздел **«Состояние и перспективы развития института множественности преступлений»**, также состоит из двух глав. В третьей главе **«Множественность преступлений как предмет уголовно-правового воздействия»** анализируются статистические, социальные и криминологические аспекты множественности преступлений. Отдельный параграф посвящен понятию, признакам и социально-криминологическим

основаниям множественности преступлений как уголовно-правового феномена.

Автор, признавая высокую значимость и важность формально-логического метода познания множественности, вполне обоснованно обращается к социологическим и криминологическим исследованиям института множественности. Отмечая в работе, проблемы, связанные с неоднозначной оценкой уголовным законом случаев совершения лицом двух или более самостоятельных преступлений в качестве проявления множественности, диссертантом анализируются положения нормативных актов, определяющих порядок регистрации преступлений и учета лиц, совершивших преступления (с. 172 дисс.). Здесь позитивным представляется тот факт, что наряду с анализом статданных, собираемых ГИАЦ МВД РФ, с целью большей объективности результатов исследования, автор обращается к статистической информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, которая, по мнению диссертанта, все же наиболее полно отражает феномен множественной преступной деятельности.

Исследование динамики удельного веса лиц, совершивших несколько преступлений, в общем числе осужденных за период с 2000 по 2015 гг. позволяет автору сделать интересный вывод о современных тенденциях учета множественной преступной деятельности (с. 179 дисс.). В заключении главы, в работе приводится авторское определение исследуемого понятия, понимаемое как «предусмотренная уголовным законом ситуация совершения одним лицом двух или более самостоятельных преступлений, при которой правоприменителю необходимо определить этому лицу итоговое наказание (с. 231-232 дисс.).

В четвертой главе **«Роль и возможности уголовного права в противодействии множественности преступлений»** рассматриваются дальнейшие перспективы совершенствования уголовного закона в части противодействия множественности преступлений и актуальные проблемы квалификации множественности преступлений.

В частности, в работе обоснованно отмечается, что «исходной посылкой для развития теории и практики уголовно-правового противодействия множественности преступлений должно стать предельно четкое позиционирование социальных оснований этого института, различение понятий общественная опасность преступления и общественная опасность личности преступника» (258-259 дисс.).

Следует поддержать мнение автора, что совершение нескольких преступлений всегда свидетельствует о возрастании опасности личности, оно приводит также к аккумуляции опасности этих нескольких преступлений, но оно не может свидетельствовать о возрастании общественной опасности каждого отдельно взятого последующего преступления.

Отдельно в работе рассмотрены проблемы административной преюдиции в уголовном праве с отрицательной позицией по этому вопросу автора. Автор, вполне обоснованно полагает, что «соответствующие обстоятельства, отражающие перепады в общественной опасности личности и ее специализацию на совершении однотипных правонарушений, должны быть учтены в рамках нормативной концепции оценки личности виновного» (с. 268 дисс.).

В заключении автором сформулированы основные выводы и предложения по результатам диссертационного исследования, нашедшие свое отражение в соответствующих разделах работы.

Материалы исследования прошли солидную апробацию на научных конференциях и семинарах. У автора имеется 44 работы том числе, 19 научных статей опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки России.

Материал изложен хорошим литературным языком, оформление диссертации замечаний не вызывает. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

В целом диссертационное исследование Г.С. Досаевой выполнено на высоком научно-практическом уровне, содержащиеся в нем теоретические

выводы и заключения в достаточной мере обоснованы, аргументированы теоретически и проиллюстрированы примерами из практики. Достоверность полученных выводов сомнений не вызывает.

Вместе с тем, как и в любой работе творческого характера, в ней содержатся положения, которые могут стать предметом научной дискуссии. В целом их суть сводится к следующему:

1. В ходе написания разделов введения, в частности эмпирической базы исследования, автором, на мой взгляд, не вполне обоснованно включена в содержание этого раздела, информация об изучении исторических памятников российского уголовного права, так как это относится в большей степени к нормативной базе исследования. Такое же замечание, и в отношении «материалов научных дискуссий по вопросам строения и систематики уголовного права», ошибочно включенных в раздел эмпирической базы, но относящихся к теоретической базе исследования.

2. Во втором положении, выносимом на защиту, автор ведет речь о криминологическом и уголовно-правовом контроле над множественной преступной деятельностью, отмечая определенное несоответствие криминологических реалий объективного роста случаев совершения одним лицом нескольких преступлений и искусственно-отвлеченным, по мнению диссертанта, формализованным отражением этой ситуации в уголовном законе, что делает, как отмечается в тексте, уголовно-правовой контроль множественности неэффективным. Однако в тексте работы значение используемых терминов не раскрывается. В связи с этим интересна позиция автора, относительно сущности и содержания терминов «криминологический контроль над множественной преступной деятельностью и «уголовно-правовой контроль над множественной преступной деятельностью».

3. В целом, поддерживая автора в его стремлении сформулировать систему принципов уголовно-правового института множественности преступлений, понимая их содержание, сложно согласиться с предложенной

редакцией этих принципов (с. 153-154 дисс.). Например, вряд ли может быть принципом «необязательное, а лишь возможное усиление репрессивности уголовного закона при совершении нескольких преступлений» или «соблюдение разумного баланса в оценке опасности деяния и личности преступника при дифференциации ответственности за множественную преступную деятельность». Возможно, здесь не хватает некоей императивности, безусловной значимости, характерной для принципов, как основополагающих идей, в том числе характеризующих отдельные правовые институты. Между тем в приложении со схемой структуры уголовно-правового института множественности преступлений на с. 350 дисс. представлены более лаконичные формулировки указанных принципов.

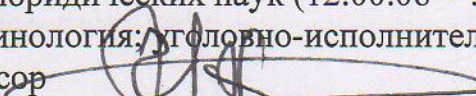
4. На основе подробного анализа статистических данных автором на с. 179 дисс. сделан вывод о том, что «на фоне объективного роста случаев совершения одним лицом нескольких преступлений, закон сознательно и искусственно ограничивает сферу контроля множественной преступной деятельности лишь некоторыми сочетаниями преступлений, что в статистическом отношении позволяет продемонстрировать сокращение показателей множественности преступлений». Однако данный тезис представляется спорным и может быть объяснен, наличием устаревших подходов в существующей статистической системе учета преступлений.

Названные, а также некоторые другие спорные и недостаточно разработанные в диссертации вопросы не затрагивают ее общую положительную оценку, и не изменяют вывода о высоком качестве и научной глубине диссертации Г.С. Досаевой.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация Досаевой Глеры Сулеймановны «Уголовно-правовой институт множественности преступлений», на соискание ученой степени доктора юридических наук является самостоятельной и завершенной научно-квалификационной работой, в которой решена крупная научная проблема, имеющая существенное значение для юридической науки, соответствует всем

требованиям, предусмотренным п.п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а её автор Досаева Глера Сулеймановна заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент:

Главный научный сотрудник
Федерального казенного учреждения
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
доктор юридических наук (12.00.08 – Уголовное право
и криминология; уголовно-исполнительное право),
профессор Лесников Геннадий Юрьевич

21 апреля 2017 года.

Российская Федерация, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а.
E-mail: www.vnii-mvd.ru; lesnikov07@rambler.ru
Рабочий телефон: +7 (495) 983-93-29
Тел. моб.: 8(905) 770-06-27

